

*Татьяна Мегрелишвили
(Грузия, Тбилиси)*

**В зеркале памяти
(политическая самоидентификация как проблема
эмигрантского мемуарного сознания)**

*Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья.
Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность поражения.
Г.Иванов.*

В современных литературоведческих исследованиях тема Великой русской эмиграции занимает особое место. Исход из страны в начале прошлого века почти 2 миллионов ее жителей (Русское Зарубежье 1997:5) явился одним из следствий ожесточенного гражданского противостояния в России, сложившегося после драматических событий осени 1917 года. Возникло уникальное по своим масштабам и последствиям явление – зарубежная Россия. Несмотря на географическую широту рассеяние (Европа, Азия, Канада, Африка, Австралия), затруднительные условия существования, русская эмиграция XX столетия сохранила себя как духовно-культурная целостность. На протяжении 1920-1930-х годов за пределами России и СССР сложилась культура, которая, с точки зрения американского исследователя М.Раева, является «важным компонентом всей мировой культуры в ее материальном, интеллектуальном и духовном измерении» (Бэззю 1994: 28).

Одной из существенных сторон бытия «*России в миниатюре*» являлась общественно-идеологическая жизнь эмигрантов, мозаичная и контрастная по своей природе. П.Н.Милюков утверждал, что к 1927 г. в эмиграции определилось 16 самостоятельных направлений общественно-политической мысли (от левых социалистов-интернационалистов до правых монархистов-легитимистов плюс огромный спектр между этими полюсами). Странники каждого из направлений соперничали в борьбе за влияние в эмиграции и итогом своей деятельности мыслили возвращение в Россию и приход там к власти. Столь широкий диапазон политических настроений породил насыщенный и самобытный политический процесс, субъектами которого стали партии и движения, история которых уходила своими корнями еще в российскую дореволюционную действительность, или сформировавшиеся уже в эмиграции. Политической мотивацией подобному разнообразию партий послужили противоречия, порожденные разным пониманием политического будущего России и различающимся представлением о методах достижения этих целей. В итоге идейное «многоголосие» эмиграции и связанная с этим тяжелая внутренняя борьба политических концепций и человеческих амбиций в значительной степени способствовали политическому фиаско деятелей эмиграции.

Идейное противостояние 1920-1930-х годов стало предметом осмысления в литературных мемуарах русского зарубежья, в вершинных образцах которых¹ красной нитью проходит тяжелейший для всех авторов вопрос: как такое могло случиться? Синтез различных ракурсов осмысления пережитого позволил литературным мемуарам эмиграции «первой волны» стать, по меткому определению Г.П.Струве, «едва ли не самым ценным вкладом зарубежных писателей в общую сокровищницу русской литературы» (სტრუვე 1996: 248).

Научное осмысление творческого наследия русской эмиграции начали сами эмигранты (დავატცი 1921; მასალები 1921; საზღვარგარეთ 1920; სალტიკოვი 1922; (სტრუვე 1921) (ვინბერგი 1921) и др.), и к сегодняшнему дню уже сложился солидный корпус исследований (მიტროხინი 1996, гл.1). Требуют углубленного изучения проблемы политической самоидентификации личности и воплощения этих аспектов эмигрантского сознания в мемуарном дискурсе. Эти вопросы становятся важным компонентом исследования культуры русской эмиграции «первой волны» и способствуют пониманию определенных закономерностей, просматривающихся по обе стороны границы в судьбах поколения участников и жертв революции.

Подобный ракурс исследования требует учета особенностей мемуарной литературы и специфики литературных мемуаров. На сегодня считается доказанным, что мемуары, созданные писателями, несут на себе отпечаток художественности. Это положение выделяет их из корпуса мемуарной литературы, по своей изначальной природе принадлежащей к документальной литературе. Именно наличие художественности внутри жанра, традиционно относимого к документальному, стимулирует особый научный интерес, у истоков которого находятся теоретические труды Е.В.Тарле, известная монография Л.Я.Гинзбург «О психологической прозе» (1977) и др. (გარლე 1961; 1976; გოლუბკოვი 1979; გინზბურგი 1999). Фундаментальное положение Гинзбург о том, что мемуарная литература приближается к художественной прозе (გინზბურგი 1999: 143), так как в мемуарах речь идет не о простой фиксации явлений и событий, а о создании характеров, было полностью подтверждено при анализе принципов мемуарного портретирования, которые использовали мемуаристы-литераторы русской эмиграции (მეგრელიძე 2004:194-201).

Таким образом, в изучении мемуаристики сложилась исследовательская парадигма, в которой на сегодняшний день на первый план выходят постижение таких компонентов мемуарного текста, как взаимоотношения автора и героя, приемов изображения «отражения истории в человеке». Подобный ракурс исследования наиболее полно способен осветить вопросы общественной и политической самоидентификации эмигрантов-литераторов.

Эмиграция явилась для многих не только выбором и подключением к «историческому характеру». Не случайно Г.Адамович писал: *«Но не сыграла ли какой-то роли революция, та страшная встряска, которой она для всех русских людей была? По-своему, и даже при отсутствии всякого призвания и склонности к политической деятельности, каждый должен был ей как-то ответить. Каждого она заставила о многом задумать»*

ся, каждого вернула к «сути вещей», к основным вопросам и явлениям существования» (ადამოვინ). Так вопросы самоидентификации в сфере общественной мысли стали одним из компонентов эмигрантского сознания.

Здесь не место детальному рассмотрению представлений эмигрантов о специфике русского национального характера и особенностях его исторического развития в модусе «Россия-Запад», а также эволюции и мотивации идейно-политических позиций эмигрантов по вопросу практического отношения к советской России и планов их возвращения/невозвращения на родину – основным компонентам эмигрантского сознания. В каждом конкретном случае выделенные компоненты структуры вступают в сложные взаимодействия при непосредственном влиянии внешних факторов:

- пребывание в инокультурной социально-политической среде;
- влияние на общественно-политическое и культурное сознание актуальных исторических событий XX века;
- изменения приоритетов социально-экономического развития многих государств в связи с экономическими кризисами, активным вовлечением в военные действия и др.

Об этом вкупе с биографическими (რეპობა 1999: 76-100) фактами подробно сказано в известном исследовании В.А.Тишкова о представлениях творческого сознания автора-эмигранта (გობჯოვი 2000: 207-237).

Предметом рассмотрения в данном исследовании становится важнейшая проблема эмиграции – осмысление причин русской революции и крушения монархии, – связанная не только с творческой картиной мира, но и напрямую с вопросами самоидентификации и саморефлексии. Рассмотрим несколько позиций, характерных для «мэтров» и «детей» эмиграции. И по ряду основных показателей ключевыми выглядят фигуры супругов Мережковских и Ивана Бунина.

Представления Д.С.Мережковского о революции и роли этого события в истории России отличаются специфичностью и носят ярко выраженный эсхатологический характер. По Мережковскому, «новое дыхание», обретаемое человечеством в ходе движения истории, напрямую связано с религиозными событиями. Мережковский рассматривал революцию как дихотомию, полюсы которой обозначены образами Христа и Антихриста, христианства и язычества. Пространство между этими полюсами он уподоблял «зеркальной плоскости». Эта плоскость «очень тонкая, слабая, но непроницаемая, глухая среда, середина, говоря языком научным, «нейтрализующая» обе полярные силы, задерживающая, как самая тонкая стеклянная стенка задерживает электричество...» (ბეჯკოვი 1995: 280). За счет зеркальных отражений середина кажется бесконечной. При таком понимании становится понятным наполнение «бездны»: верхняя плоскость зеркальной поверхности – христианство, нижняя – язычество. Грядущий синтез обращен к этим «безднам», а Антихрист – то, что мешает синтезу.

Для воплощения этой религиозно-революционной концепции Мережковский указывал на обязательное условие: необходим союз интеллигенции с церковью². Впрочем, эта мысль впервые прозвучала еще в 1893 году в работе «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы», где Мережковский сформулировал мысль о

необходимости религиозного и мистического содержания в художественном творчестве, мысль, ставшую центральной в его понимании им не только литературы, но и хода исторических событий³.

Мережковский воспринимал революцию как необходимый этап, который должен привести к разрыву религии и государства, способствовать слиянию интеллигенции и народа и в итоге – установлению христианской *безгосударственной* общественности⁴. Само понятие безгосударственной общественности, по Мережковскому, есть исконное свойство русского народа: русский народ – *«поразительно бездарный в творчестве государственных форм», «по преимуществу безгосударственный, анархический»* (ԹՅՐԴ-ՊՅՈՅԵՅՈ 1991:348).

Следует признать, что мысль о склонности русского народа к анархии полностью разделялась и З.Н.Гиппиус. Она шла еще дальше: не только государство должно исчезнуть, но и церковь должна прекратить свое существование, а церковные конфессии тоже должны исчезнуть. Супруги были уверены, что будущее христианство *«Третьего Завета»* станет синтезом принципов Петра, Павла и Иоанна (то есть католичества, протестантизма и православия)⁵.

События октября 1917 года Мережковские восприняли крайне негативно. То, чему они стали свидетелями, вовсе не соответствовало их представлениям о религиозно-духовном преображении, а напоминало скорее торжество *«грядущего хама»*, завладевшего властью. Все остальное – эмиграция, непримиримая позиция по отношению к власти большевиков и даже известная речь, которую произнес Мережковский в 1941 году по радио и которая замкнула круг изоляции вокруг него, – следует рассматривать сквозь призму эмоционального, оказавшегося в его душе в какой-то момент сильнее рационального: Мережковский готов был вступить в стовор с какой угодно силой, лишь бы она помогла победить существовавшую в СССР власть. Трагизм эмигрантской судьбы Мережковских оказался напрямую связан с самоидентификацией в модусе *«подобную революцию не принимаю»*.

Иван Бунин и революция – огромная тема, исчерпать которую едва ли возможно. Здесь допустимо лишь указать на опорные моменты этого сложнейшего вопроса, позволяющие определить модель общественно-политической самоидентификации писателя и публициста Бунина.

Восприятие революции Иваном Буниным в чем-то схоже с Мережковским, но есть и существенные отличия. Свидетельства размышлений писателя над этим вопросом, его важность для автора обнаруживаются уже с 1918 года. 10 февраля 1918 г. Бунин сделал важную для понимания его позиции запись: *«Еще не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно... Это слышишь теперь поминутно. Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности все равно никогда не будет. А главное: наша «пристрастность» будет ведь очень дорога для будущего историка. Разве важна «страсть» только «революционного народа»? А мы-то что ж, не люди, что ли?»* (выделено мной – Т.М.) (ԾՅԵՆԵՆ 2006: 282). В этой записи четко просматривается центральная для художественного творчества Бунина дихотомия *«народ – дворянство и*

интеллигенция». Проявляясь в публицистике и дневниках, она является существенной гранью индивидуальной картины мира писателя, а потому становится важным компонентом модели самоидентификации. Весь текст «Окаянных дней» – произведения глубоко эмоционального и написанного по горячим следам событий, – свидетельствует о том, что начатое в художественных произведениях, созданных до революции («Деревня», «Суходол»), скептическое восприятие будущего России достигает у Бунина своего апогея⁶.

Не раз и не два Бунин будет задаваться вопросом: «**Неизбежна** была революция или нет?» И отвечать: «**Никакой неизбежности, конечно, не было, ибо, несмотря на все недостатки, Россия цвела, росла, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях... Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом**» (выделено мной – **Т.М.**) (ბუბინი 2006а:391). Но как избежать революций? На этот важнейших вопрос Бунин отвечает словами Льва Толстого, когда автор «Войны и мира» пытался предупредить царя Николая II и тем уберечь страну от революции, обращаясь к исконным христианским ценностям. К сожалению, эти увещания ни к чему не привели.

В отличие от М.Горького, А.Куприна, А.Н.Толстого, Бунин не вернулся в Россию. Многочисленные попытки убедить первого русского нобелевского лауреата в области литературы оставить эмигрантское сообщество и вернуться на родину успеха не имели. Незадолго до смерти Иван Бунин написал: «Я был не из тех, кто был революцией застигнут врасплох, для кого ее размеры и зверства были неожиданностью, но все же действительность превзошла все мои ожидания: во что вскоре превратилась русская революция, не поймет никто, ее не видевший. Зрелище это было сплошным ужасом для всякого, кто не утратил образа и подобия Божия...» (ბუბინი 2006:282). В данном случае самоидентификация проходила в модусе «революция – дворянство, интеллигенция», во многом сопрягаясь с Мережковским.

Более молодые «мэтры» эмиграции, в отличие от старшего поколения, старались напрямую не высказываться о революции, однако через описание литературного Петрограда революционных лет косвенно выражали свое отношение к случившемуся. Г.Иванов писал в эмиграции: «...люди, так или иначе способствовавшие вырождению Петербурга, лично – невинны. Никто из них не отдавал себе отчета в деле своих рук. Каждому – от царя и его министров до эсеров, охотившихся за ними с бомбами, – искренне казалось, что они не пилят сук, на котором сидят, а, напротив, предусмотрительно окапывают тысячелетние корни «**исторической России**», удобряют каждый на свой лад почву, в которую эти корни вросли. <...> **Никто** уже не мог ничего поправить, никто не понимал безвыходного трагизма обстановки. За всех действовала, всем руководила судьба... если угодно, Рок» (выделено мной – **Т.М.**) (ივანოვი 1994:460).

В 1928 г. в Париже выходит книга Г.Иванова «Петербургские зимы», а позднее и другие мемуарные очерки. Удивительно, но в судьбе Г. Иванова революция сыграла совершенно особую роль: требование, выдвинутое В.Ходасевичем к поэту, – пережить «необходимую трагедию» – выполнила революция. Изгнание полностью преобразило лицо его творчества, сделав Г.Иванова, по мнению З.Гиппиус, «первым поэтом эмиграции», поэтом экзистенциального (მეგრელიძე 2004б) толка: «Хорошо, что нет Царя./ Хорошо,

что нет России./ Хорошо, что Бога нет...». Благодаря пережитой катастрофе Г.Иванову открылось «истинное бытие, “бытие-к-смерти”, пропитанное тоской и отчаянием конечности» (Борисов 1999:184): «... Что мертвее быть не может / И чернее не бывать, / Что никто нам не поможет / И не надо помогать». В 1937 г. в «Распаде атома» устами своего героя Г.Иванов опишет собственное душевное состояние в 1922 году, накануне отплытия из России на пароходе в Германию: «Я хочу самых простых, самых обыкновенных вещей. Я хочу порядка. Не моя вина, что порядок разрушен. Я хочу душевного покоя. Но душа, как взбаламученное помойное ведро... Я хочу чистого воздуха. Сладковатый тлен – дыхание мирового уродства – преследует меня, как страх» (Борисов 1996б: 45).

Оказавшись в Париже, он постоянно, вопреки очевидности, мучился трагическим вопрошанием: неужели эмиграция навсегда? В этом отношении Г.Иванов был типичным представителем той части эмигрантского сообщества, которая верила в то, что события в России непременно повернутся вспять и тогда можно будет возвратиться. «Самым отчетливым чувством Георгия Иванова сейчас была облеченная в вопрос боль: «Неужели навсегда?» Но тут же, успокаивая себя, думал: то, чем теперь больна Россия, скоро кончится, все перемелется. В этом он мало отличался от недавних эмигрантов, живших в Берлине, Париже, Праге, не распаковывая чемоданов, в надежде на скорое возвращение» (Борисов 2007:182).

Революцию Г.Иванов однозначно не принял, свидетельства чему обнаруживаются в его эмигрантской лирике во множестве: «Судьба одних была страшна./Судьба других была блестяща./И осеняла всех одна /России сказочная чаща./Но Император сходит с трона,/Прощая все, со всем простясь,/И меркнет Русская корона./В февральскую скатившись грязь... («Стансы», 1953) (Борисов 1996а:530). Эпитет «февральская грязь» не только отсылает к событиям Февральской революции, но и, в соответствии с особенностями стиля Г.Иванова, склонного к центонам, косвенно к стихотворению Б.Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!». При этом все вместе опосредованно выражает авторское отношение к революционным событиям.

Авторской особенностью восприятия революции становится изображение ее inferнальной природы: «Догорай, пожар огромный!/И не дрогнет факел темный,/Освещаая ад». Само изгнание мифологизируется, сопрягаясь с образом смерти, которая возникает в текстах в виде аллюзий на лодку перевозчика через Стикс Харона: «Взмахи **черных** весел шире,/Чище сумрак голубой...»; «**Легкие лодки** отчалили/В синюю даль **навсегда**»; «Уплывают маленькие **ялики**/В золотой **междупланетный омут**...». Здесь, опять-таки в свойственной Г.Иванову манере, исторические реалии (теплоходы, отплывавшие за границу, унося эмигрантов из Советской России, коннотативно соотносятся лодками и яликами), обретают дополнительную коннотацию, превращаясь в глубокий символ. Да и сама имперская Россия также воспринимается Г.Ивановым в качестве мертвого существа: «Овеянный тускнеющей славой, /В кольце святош, кретинов и пройдох, /Не изнемог в бою Орел Двуглавый./А жутко, унизительно издох./Один сказал с усмешкою: «Дождался!»/Другой заплакал: «Господи, прости...»/А чучела никто не догадался/В изгнание, как в могилу, унести».

Наряду с катастрофой революции, смерть предстает и в образе гибели А.Пушкина, который для Г.Иванова, наряду с М.Лермонтовым (მეგრელობვილი 2004ა), был символом утраченной навсегда России: «*Все в этом мире по-прежнему./Месяц встает, как вставал,/Пушкин имень закладывал/Или жену ревновал./И ничего не исправила,/ Не помогла ничему./Смутная, чудная музыка./Слышная только ему*» («*Медленно и неуверенно*») (ივანოვი 1996ა:291). Ощущение бессилия этой России, в которой властвует поэзия, чувствуется в тексте стихотворения. Еще более надрывно это ощущение прозвучит как упрек в «*Распаде атома*»: «*Пушкинская Россия, зачем ты нас обманула? Пушкинская Россия, зачем ты нас предала?*» (ივანოვი 1996б: 23). Это вопрошание носит у Г.Иванова более широкий смысл и относится не только к России, но и к современной европейской действительности (მეგრელობვილი 2013).

Схожими путями шло и осмысление событий 1917 года Вл.Ф.Ходасевичем. С Г.Ивановым, при всем их неприятии личности и поэзии друг друга, его роднит отношение к А.Пушкину и скептическое восприятие современной им Европы. Тема «*сумерек Европы*», в которой в горниле I мировой войны, подобно России, расплавились ценности цивилизации, создававшейся веками, становится в эмиграции для Ходасевича одной из центральных. Поэт наблюдает, как повсюду воцарились пошлость и обезличенность. И параллельно в творчестве Ходасевича звучит мотив органического единства действительности и культуры, восходящий к поэзии пушкинской Плеяды. Переживание острой дисгармонии с миром требовало обретения хоть какой-то незыблемой основы, каковой и стало классическое наследие А.Пушкина.

У Ходасевича, подобно А.Блоку, рано появилось предчувствие ожидающей Россию перемены, поэтому он поначалу с оптимизмом воспринял революцию. Она казалась ему освобождением народной и творческой жизни, торжеством гуманности и антимещанства. Но очень скоро наступило отрезвление. Ходасевич прекрасно понял, как погасила настоящую русскую литературу революция. Однако он не оказался в числе тех, которые «*испугались*» революции. Трезвый и рациональный его ум принял единственно возможное в такой ситуации решение – эмиграцию, как впоследствии утверждала Н.Берберова, спасшую их обоих от гибели: «*уцелеть*» в Петрограде и в России им было, по ее мнению, абсолютно невозможно.

В эмиграции в разное время Ходасевич сотрудничал с разными по политическим платформам и редакторским стратегиям изданиями: вместе с М.Алдановым какое-то время работал редактором литературного отдела республиканской газеты «Дни» в период, когда главным редактором был А.Ф.Керенский, публиковался в либерально-демократической газете «Последние новости» (главный ред. П.Н.Милуков), возглавлял литературный отдел в умеренно-консервативном монархическом органе «Возрождение» (гл. редактор П.Б.Струве). Однако делать какие-либо выводы об эволюции политико-общественных взглядов Ходасевича на основании этих данных не следует: в эмиграции Ходасевич испытывал серьезные финансовые затруднения и готов был на любую работу.

Уже в Париже, за несколько недель до смерти Ходасевича, вышла книга его воспоминаний «*Некрополь*» (1939). В ней, стараясь не касаться политики, автор ведёт разговор о своем

времени, когда «жили в неистовом напряжении, в вечном возбуждении, в обостренности, в лихорадке» его сотоварищи по литературе, и в которой эпоха между двух мировых войн предстает втянутой «в общую сеть любвей и ненавистей, личных и литературных». Свое же восприятие революции поэт изобразил в сборнике «Путем зерна» (1920-1922гг.).

В этом сборнике образ неизбежной смерти ради нового рождения носит ярко выраженный трагический характер. «Путём зерна» создавался в 1917-1918 гг., и эпоха отразилась в нем, как в зеркале. Наиболее ярко ощущение времени проявилось в стихотворении «2 ноября» (1918 г.)⁷. Страшные картины Москвы приводят лирического героя к трагическому выводу, что утешить его ничто не сможет. Однако в отличие от пессимистического видения будущего России Г.Ивановым, Ходасевич выражал веру в воскресение страны после революционной разрухи таким же путём, каким зерно, умирая в почве, воскресает в колосе: «... Сойдя во мрак, умрёт – и оживёт она./И ты, моя страна, и ты, её народ,/Умрешь и оживёшь, пройдя сквозь этот год, –/Затем, что мудрость нам единая дана:/Всему живущему идти путём зерна».

Схожее ощущение будущего России сохранилось у Ходасевича и в эмиграции. Надежда Федоровна Городецкая, чья биография в чем-то напоминает биографию Н.Берберовой, в статье «В гостях у Ходасевича» так описывает интереснейший диалог о будущем, который возник у нее с поэтом: «... я спрашиваю о русской поэзии, когда не будет разделений между нами и советами.

В.Ф. поднимает обе руки, изображая беспомощность.

– Я не пророк... Будущая Россия представляется мне страной деятельной, мускулистой, несколько американского типа, и очень религиозной – но уже не в американском духе. В общем, ощущение мое скорее оптимистическое... скромно-оптимистическое. А вот в чем я категорически уверен – так это в том, что эстетизм вовсе исчезнет, ему места не будет <...>» (გორბედეცკია 1931).

Молодежь эмиграции оставила яркий след в художественном творчестве, но едва ли не самыми яркими, однако и не менее скандальными стали мемуары Нины Берберовой «Курсив мой» (მეგრელიშვილი 2005а, მეგრელიშვილი 2005), в которых она рассказывает «о времени и о себе». Об общественно-политических воззрениях Берберовой судить очень сложно, посему наиболее достоверным следует считать слова самой писательницы, определяющие ее отношение к революции и причинам, ее вызвавшим: «Социальные проблемы, которые волновали меня, волнуют и сейчас, в тот год российской революции были по природе своей дихотомичны <...> и мучили меня чрезвычайно. Я думаю, что все тогда мучились ими, то есть все люди с совестью и мыслью. <...> Принято говорить о пропасти между интеллигенцией и народом. Не пропасть, а слишком большая связанность была между ними, связанность двух частей одного целого в роковом чувстве вины одной половины перед другой, в дихотомии трагической чуждости этих двух, искусственно спаянных между собой частей. Почему одна отвечала за другую? Почему одна каялась перед другой? Нужно было не ходить в народ и каяться, а строить железные дороги, прививать оспу и в массовом масштабе печатать буквари для насильственного обучения» (ბერბეროვა 1996:114).

Какие выводы можно сделать из вышеизложенного? Особенности восприятия революционных событий, последовавшее за этим решение отправиться в эмиграцию, а также общественно-политическая позиция в эмиграции сформировались под влиянием как внешних признаков (восприятие различными поколениями эмигрантов революционных событий; принадлежность к разным сословиям – дворянству либо к интеллигенции; бесправное положение апатридов, экономическое положение в ситуации изгнания (вопросы выживания), так и внутренних факторов, к которым относятся: восприятие Православия индивидуальным сознанием, влияние Православия на мировоззрение, принадлежность к той или иной эмигрантской группе, способность к интеграции в европейскую культурную реальность.

Основываясь на анализе мемуарного дискурса эмиграции, можно обоснованно утверждать, что специфическими чертами общественно-политического дискурса зарубежной России являлись неритмичность и скачкообразность, отсутствие взаимопонимания между представителями эмигрантского сообщества, отсутствие единства в их рядах, что в итоге явилось главным препятствием на пути к формирования общепризнанного идеологического концепта. Важнейшую роль в архитектонике эмигрантского пространства играл субъективный фактор и резкий психологический антагонизм между различными эмигрантскими группами, и даже личностями – личными взаимоотношениями, начиная с дореволюционных времен, в эпоху революции и собственно в эмиграции. Ведущие мемуаристы часто взаимно обвиняют друг друга едва ли не во лжи, а уж в субъективности и некорректности постоянно. Таким образом, самоидентификация в вопросе осмысления революции, как в зеркале, отразила ведущие проблемы эмигрантского бытия и повлияла самым серьезным образом на особенности мемуарного дискурса.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См., к примеру: Адамович; Берберова 1996; Гиппиус 1945; Бунин 1974 и др.
2. Именно обращение интеллигенции к религии, к церкви должно привести, по мысли Мережковского, к соединению революционно-освободительных традиций русской интеллигенции с религиозными традициями народа. В результате разъединения этих традиций, считал Мережковский, церковь оказалась поработана государством, народ – самодержавием, а интеллигенция *«очутилась между Сциллой и Харибдой»*: она была чуждой как народу, так и государству. Мережковский мечтал о совпадении интересов интеллигенции и религиозного движения народа. Русский интеллигент должен был стать, по его мысли, *«религиозным революционером»*, тогда разобщенность религиозного сознания и революционного действия останется в прошлом. Только религиозное возрождение, считал Мережковский, способно соединить интеллигенцию (*«живой дух России»*), церковь (*«живую душу России»*) и народ (*«живую плоть России»*).
3. На примере революции 1905 года Мережковский доказывал, что политические революции без революции в сознании – трагедия, «стихийная бессознательность». В человечестве в целом, и в России в особенности (ибо русский народ, по его мнению, – самый *«последний, крайний»*,

предельный и... по всей вероятности, объединяющий все остальные культуры, преимущественно синтетический народ» (Мережковский 1906а:124), близкий к пределам всемирной истории), как считал Мережковский, такая мистическая революция вполне назрела, и, если она не будет осуществлена, это приведет к концу земной истории. Если же человечество переживет еще одно религиозное обновление, то будущее – за *«христианской общественностью»*.

4. В открытом письме Н.Бердяеву Мережковский писал: *«Христианство есть религия Богочеловечества; в основе всякой государственности заложена более или менее сознательная религия Человекобожества. Церковь – не старая, историческая, всегда подчиняемая государству или превращаемая в государство, – а новая, вечная, истинная вселенская Церковь так же противоположна государству, как абсолютная истина противоположна абсолютной лжи...»* (Мережковский 1906:168). Любое государство, даже самое демократическое, указывал на очевидные вещи Мережковский, базируется на насилии, несовместимом с христианскими принципами.

5. Подобный анархизм не был чем-то исключительным в русской мысли начала XX века. По аналогии вспоминается Л.Толстой. И Толстой, и Мережковские были убеждены в том, что власть человека над человеком недопустима, считали, что решать социальные проблемы насилием нельзя. На этом основано неприятие ими террора как формы борьбы. Мережковский при этом был убежден, что насильственные революции лишь заменяют стоящую у власти группу людей на другую. Разумеется, в отличие от Мережковских, Толстой не был мистиком. Он обосновывал свой анархический идеал с вполне «практической» точки зрения, в то время как Мережковские считали анархический идеал достижимым только в результате религиозного преобразования, по сути – в результате чуда, которое изменит человечество и человека.

6. «В повести *«Деревня»* Дурновка, как известно, изображается символически, как образ всей России, а жители её олицетворяют русский народ. Автор изображает целую галерею дурновцев: Макар, Аким, Родька, солдат-учитель. Подобно гоголевским помещикам из *«Мертвых душ»*, персонажи изображены по степени возрастания деградации в их душах. Так завершает этот ряд Серый – самый опустившийся из всех крестьян. Типичен образ самого бедного мужика Дурновки. Его прозвище под стать всему колориту изображаемой жизни. Он ленив, апатичен, безразличен к судьбе своей семьи. Вообще нищие, *«обглоданные»* жизнью дурновцы не похожи на тех крестьян, которых некогда идеализировал Бунин. Они не способны работать, потеряли привязанность к земле. Они наглы, циничны, грубы и жестоки. Извечная крестьянская нравственность уходит из их душ. Бунин градирует своих персонажей по нисходящей траектории» (Морозов 2014).

7. Описывается первый день после октябрьских боев 1917 г. в Москве. Город постепенно приходит в себя. Лирический герой, возвращаясь от знакомых, за чью судьбу он волновался, увидел в окне полуподвального помещения знакомого столяра, который раскрашивал красной краской гроб. Также лирический герой встречает четырехлетнего малыша, который *«среди Москвы, страдающей, растерзанной и падшей»* предстает единственным улыбающимся существом.

ЛИТЕРАТУРА:

- ადამოვიჩი 2006:** А.Адамович. *Одиночество и свобода*. Москва, 2006: Азбука-классика [book on-line]:https://royallib.com/read/adamovich_georgiy/ampquotodinochestvo_i_svobodaampquot.html#0).
- ბერბეროვა 1996:** Берберова Н. *Курсив мой*. Москва: «Согласие», 1996.
- ბუნინი 2006:** Бунин И. А. *Окаянные дни* // Бунин И. А. *Полн. собр. соч. Т. 6*. Москва: Воскресенье, 2007.
- ბუნინი 2006ა:** Бунин И. А. *Миссия* // Бунин И. А. *Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 8*. Москва: Воскресенье, 2007.
- ვინბერგი 1921:** Винберг О. *Крестный путь*. Корни зла. Мюнхен, 1921. Ч. 1
- ვინზბურგი 1999:** Л.Я.Гинзбург. *О психологической прозе*. Москва: INTRADA, 1999.
- გიპიუსი 1945:** З.Гиппиус. Дмитрий Мережковский – Париж 1945, 270 С.
- გოროდეტსკაია 1931:** Городецкая Н.Ф. *В гостях у Ходасевича*. Париж, «Возрождение», 1931 [book on-line]:http://www.sinergia-lib.ru/index.php?page=Gorodetskay_N_D&view=print]
- გოლუბოვი 1979:** Голубцов В.С. *Мемуары как источник по истории советского общества*. Москва, 1979;
- დავატი 1923:** Даватц В.Х., Львов Н.Н. *Русская армия за границей*. Белград: 1923
- ივანოვი 1994:** Г.Иванов. *Собр. соч. в 3 тт. Т.3. Мемуары и литературная критика*. Москва: «Согласие», 1994.
- ივანოვი 1994ა:** Г.Иванов. *Петербургские зимы* – Г.Иванов. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3. Мемуары. Литературная критика. М.: «Согласие», 1994, 718 с. – С.5-220;
- ივანოვი 1996ა:** Иванов Г.В. *Собр. соч. в 3 т. Т. 1*. Москва: Согласие, 1994.
- ივანოვი 1996б:** Иванов Г.В. *Распад атома* // Иванов Г.В. *Собр. соч.: В 3 т. Т. 2*. Москва: Согласие, 1994. С. 5–34.
- კრეიდი 2007:** Крейд В.П. *Георгий Иванов*. Москва: Молодая гвардия, 2007.
- მასალეზი 1921:** Материалы по эмиграции и устройству земледельческих колоний в окрестностях Константинополя. Константинополь: 1921
- მეგრელიშვილი 2004:** Мегрелишвили Т. *Принципы мемуарного портретирования (личность Ивана Бунина и супругов Мережковских в литературных мемуарах русской эмиграции)* // «Caucasology», РЖ, № 8, 2004 г., с. 194-201. [book on-line]: [<http://www.nplg.gov.ge/caucasia/Messenger/Geor/Pagel.htm>]
- მეგრელიშვილი 2004ა:** Мегрелишвили Татьяна. *Мемуарная функция одного стихотворения Г.Иванова* // Серебряный век в русской литературе. Сб. Научных трудов. Тбилиси, изд-во Тбилисского госуниверситета, 2004, с. 109-120 [book on-line]:<http://www.tsu.edu.ge/scientifpublication/rus.pdf>
- მეგრელიშვილი 2004б:** Татьяна Мегрелишвили. *К вопросу о поэтике мемуаров русского зарубежья* // «Болгарская русистика», 2004/3-4, с. 50-51.
- მეგრელიშვილი 2005:** Мегрелишвили Т.Г. *Проблемы поэтики мемуаров русского зарубежья*. Тбилиси: «Мерани», 2005, 158 с.
- მეგრელიშვილი 2005ა:** Мегрелишвили Т. *Литературные мемуары русской эмиграции (1920-160)*. Автореферат диссертации на соискание уч. степени доктора фил. наук. Тбилиси: изд-во госуниверситета, 2005, 50 с.;
- მეგრელიშვილი 2013:** Мегрелишвили Т. “Художественная модель мира в поздней лирике Г.Иванова: аксиология и поэтика”. *ლიტერატურათმცოდნეობის თანამედროვე პრობლემები*. VII საერთაშორისო

სამეცნიერო სიმპოზიუმის მასალების კრებული. თბილისი: შოთა რუსთაველის ქართული ლიტერატურის ინსტიტუტის გამომცემლობა, 2013, გვ. 186-200.

მერეჟკოვსკი 1906: Д.С.Мережковский. О новом религиозном действии. (Открытое письмо Н.А.Бердяеву). //Д.С.Мережковский. *Грядущий Хам. Чехов и Горький*. Москва: изд. Пирожкова, 1906.

მერეჟკოვსკი 1906a: Д.С.Мережковский. “Теперь или никогда”. // Д.С.Мережковский. *Грядущий Хам. Чехов и Горький*. Москва, изд. Пирожкова, 1906.

მერეჟკოვსკი 1991: Д.С.Мережковский. “Пророк русской революции”. //Д.С.Мережковский. *В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет*. Москва, Советский писатель. 1991.

მერეჟკოვსკი 1995: Д.С.Мережковский. “Л.Толстой и Достоевский”. // Д.С.Мережковский. *Л.Толстой и Достоевский. Вечные спутники*. Москва, 1995.

მიტროხინი 1996: Митрохин В.А. О научных подходах в изучении российского Зарубежья (1920-1990-е гг.) // Проблемы политологии и политической истории. Саратов: 1996. Вып. 7. С. 68–72.

მოლჩანოვა 2014: Молчанова М. Г. *Символизм в повести И. А. Бунина «Деревня»* // Молодой ученый. – 2014. – №2. – С. 953-956. – [book on-line]: <https://moluch.ru/archive/61/8993>.

საზღვარგარეთ 1920: На чужбине. – Париж, 1920

რაევი 1994: Раев М. *Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919-1939*. Москва, 1994.

რეპინა 1999: Репина Л.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Москва: 1999. Вып. 2. С. 76-100.

რუსული საზღვარგარეთი 1997: Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции (первая треть XX века): Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.

სალტიკოვი 1922: Салтыков А.А. *Две России. Национально-психологические очерки*. Мюнхен: 1922

სემენოვა 1999: Семенова С.Г. *Два полюса русского экзистенциального сознания: проза Георгия Иванова и Владимира Набокова-Сирин* // Новый мир. 1999. № 9. С. 183–205.

სტრუვე 1921: Струве П.Б. *Размышления о русской революции*. София: 1921.

სტრუვე 1996: Струве Г.П. *Русская литература в изгнании*: 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографии, словарь русского зарубежья / Вильданова Р.И., Кудрявцев В.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю. Париж: УМСА-РгеББ; Москва: Русский путь, 1996.

ტარლე 1961: Тарле Е.В. *Значение архивных документов для истории*//Вестник архивоведения. –1961. №3; *История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях*. Москва: 1976. Т. I.

ტიშკოვი 2000: Тишков В.А. *Исторический феномен диаспоры* // Исторические записки. 2000. № 3. С. 207-237.

Tatiana Megrelishvili
(Georgia, Tbilisi)

In the Mirror of Memory
(Political self-identification as a problem of emigrant memoir consciousness)

Key world: Russian emigration, emigrant consciousness, memories.

Post-revolutionary emigration from Russia causes increased interest, and its study will take a special place: the exodus of about 2 million people was the result of the dramatic events of 1917 and the fierce civil confrontation that followed. The socio-political cataclysms of 1917-1922 led to the emergence of a phenomenon unique in its scale and consequences – abroad Russia, in which, during the 1920s and 1930s, a culture developed, which according to the American researcher M. Raev, is an important component of the entire world culture in its material, intellectual and spiritual dimension. “Already the emigrants themselves tried to understand the origins of the socio-political drama that led to the split of the country into two camps. And the memoir prose fully reflected these processes.

In the report on the material of the memoirs of the Russian emigration of the “first wave”, questions of the political self-identification of the individual and the embodiment of these aspects of emigrant consciousness in a memorial discourse will be examined and studied.

Methodological basis is the synthesis of methods and principles based on historicism, the principles of objectivity, complexity, and systematic study of the phenomena of memoir literature. Methodological support is the research of emigrant authors, V.A. Tishkov, as well as the author’s own research.